

Глава 28. Крематорий для догоняющего мужа

Северный ветер пробирал до костей, но на душе у Гу Тина было ещё холоднее. Он чувствовал, что вся его искренность, всё его рвение оказались напрасны — словно псу под хвост.

«И ради кого я всё это затеял?»

Он зашелся в резком кашле, глотая ледяной воздух. Глаза покраснели, в груди жгло. Прислонившись к стволу старого дерева у обочины, Гу Тин горько усмехнулся. Ответ был до боли очевиден: ради того, чтобы отплатить за доброту.

В прошлой жизни он видел слишком много зла, и потому редкие проявления человечности ценил превыше всего. Князь-защитник Севера заслуживал того, чтобы о нём позаботились.

Гу Тин знал о грядущей войне немного, но хотел приложить хотя бы малую толику усилий, чтобы изменить судьбу. В той, прежней жизни, Хо Янь остался один — с опустошённым взглядом и сердцем, в котором не осталось желаний. Гу Тин хотел, чтобы в этот раз всё было иначе. Чтобы у Хо Яня был дом, куда хочется вернуться, семья, которую можно почитать, и друзья, с которыми можно разделить трапезу. Он хотел... чтобы Хо Янь научился ему доверять.

Но он всё испортил. Слишком торопился.

Хо Янь — не просто человек, он правитель земель и полководец. В его руках власть и жизни тысяч людей. Война на границе, интриги при дворе, человеческое коварство — он ежедневно сталкивается с ложью. Не будь он осторожен, не дожил бы до этих лет. Будь Гу Тин на его месте и встретить он внезапно возникшего «любимчика», чьи цели туманны, он бы не просто засомневался — он бы запер наглеца в темнице и допросил с пристрастием. А он ждал доверия? Глупец.

Гу Тин выпрямился и глубоко вдохнул, стараясь унять дрожь.

Другого пути не было. Информации слишком мало, время поджимает. Он не мог просто явиться к князю и заявить: «Берегись». Кто он такой, чтобы его пустили на порог, да ещё и вняли словам? Хо Янь — не Ю Дачунь, его на мякине не проведёшь.

Потому Гу Тин и решил действовать исподволь: помогать по мелочи, создавать точки соприкосновения, ждать, пока у князя сложится о нём верное впечатление. Хо Янь проницателен, он бы всё понял со временем.

Подозрения были неизбежны. Не сомневаться в такой ситуации мог только идиот.

Разумом Гу Тин всё понимал, но на сердце всё равно было тяжело.

И что же всё-таки произошло шесть лет назад?

Тогда ему было всего одиннадцать. Несносный, колючий и мятежный мальчишка из старого поместья в Цзиньяне... Он натворил столько глупостей, что и половины не помнил. Неужели Цин Сунь не блефовал? Неужели подозрения Хо Яня растут оттуда? Если так, дело дрянь.

Что же он мог совершить в том нежном возрасте, сам того не ведая?

Та война была сокрушительной, и любой, кто в ней участвовал, должен был сохранить об этом память. Но Гу Тин был уверен: он безвылазно сидел в Цзиньяне. Как он мог быть причастен?

«Нужно во всём разобраться», — решил он.

Пока он шел домой, гнев понемногу утих, уступив место холодному расчету. Бросать начатое из-за обиды — удел детей, а он не ребенок. Нужно продолжать подготовку к войне, делать то, что должно. А обида... что ж, она никуда не делась.

«Следи, если хочешь. Подозревай, сколько влезет. Больше я и пальцем не шевельну ради ваших дел!»

В конце концов, сейчас затишье. Серьезные беды еще впереди.

Гу Тин с головой ушел в работу. Он занимался лавкой лечебного питания, поддерживал связи семьи Лю, помогал с подготовкой к свадьбе Дун Чжунчэна. Он плел свою сеть, собирая и анализируя слухи, выуживая из них крупницы истины.

А когда становилось совсем скучно, он подавал знак У Фэну, и они начинали игру. В ход шли все тридцать шесть стратагем: «поднять шум на востоке, а напасть на западе», «заманить на крышу и убрать лестницу». Они изводили тех двоих, что следовали за ними тенью. Раз уж люди князя решили поработать «спарринг-партнерами», грех было этим не воспользоваться.

Впрочем, служба есть служба. Гу Тин понимал, что люди подневольные лишь выполняют приказ, и решил их отблагодарить за «совместные тренировки».

Он велел У Фэну выставить хорошее вино и мясо, приложив записку. Но... подношение осталось нетронутым. Ни в первый раз, ни во второй.

Гу Тин лишь хмыкнул, веля У Фэну всё убрать.

— Забудь. Видимо, они слишком благородны, чтобы принимать подарки от таких, как мы.

С того дня он перестал обращать на слезку внимание. Словно их и не было.

Резиденция Князя-защитника Севера

Вэй Ле, сияя от предвкушения, приставил нож к горлу командира отряда слезки, требуя поменяться ролями.

— Это же весело! Я иду!

Он отправился на задание в приподнятом настроении, выбрав момент, когда Гу Тин был свободен. Вэй Ле всячески провоцировал его, маячил перед глазами, напрашивался на игру, но Гу Тин... Гу Тин игнорировал его напрочь.

«Что не так? Неужели я недостаточно хорош собой?»

Вэй Ле поправил воображаемые локоны и отправился расспрашивать товарищей. Вскоре до него дошло: угощение не приняли, подарки отвергли. Люди князя не хотели быть должниками, и Гу Тин просто вычеркнул их из своей жизни.

Сидя на стене, Вэй Ле наблюдал, как Гу Тин, закатав рукава, готовит что-то невероятно ароматное. Видел, как маленький Мэн Чжэнь уплетает угощение за обе щеки из миски размером с его голову. У Вэй Ле потекли слюнки.

«Господин Гу, ну посмотрите же на меня! Те олухи просто побоялись нарушить устав, но я-то могу! Поймайте меня, побейте, только дайте хоть кусочек!»

Просидев на холодном ветру полдня, голодный и злой, офицер авангарда вернулся в казармы, первым делом задав трепку отряду слезки. А завидев на плацу Хо Яня, он тут же подскочил к нему с «дружеским советом»:

— Ваше Высочество, может, вам стоит... извиниться?

Если у господина Гу поднимется настроение, глядишь, и Вэй Ле перепадет чего вкусенького.

— С чего бы мне извиняться? — Хо Янь оставался холодным и безучастным. Его спина выражала высшую степень безразличия.

Вэй Ле лишь вздохнул. Поймав пробежавшего мимо маленького Хо Цзе, он потрепал его по голове и искренне спросил:

— Слушай, если человек нам очень помог, а князь вместо благодарности его обидел и заставил замкнуться в себе... разве не стоит извиниться?

Хо Цзе, только что закончивший тренировку под присмотром старшего брата, едва дышал. Слезы застыли в глазах, лицо было бледным.

— Наверное... стоит? — пролепетал он.

— Вот именно! — воскликнул Вэй Ле.

После инцидента с Сюй Инлань почти все в городе уверились, что Гу Тин — «сердечная привязанность» князя. Люди с нетерпением ждали продолжения. Как далеко зашли их отношения? Раз уж князь вернул подвеску, значит ли это, что они уже... Когда Гу Тин введут в дом? Князь-защитник Севера больше двадцати лет был один, и такая новость не могла не будоражить умы.

Однако ожидания не оправдались. Гу Тин при упоминании имени князя менялся в лице. Он не приближался к резиденции, обходил стороной улицы, ведущие к ней, и пресекал любые шутки на эту тему.

Сам князь тоже хранил молчание. Он не упоминал о Гу Тине, не появлялся с ним на людях. Поговаривали, что они не виделись ни днем, ни ночью.

Город зашушукался.

«Поссорились?»

Если бы это длилось пару дней — ладно. Но время шло, а ничего не менялось. Вскоре поползли иные слухи.

— Какая там «привязанность»? Наверняка сам всё подстроил, чтобы пыль в глаза пустить.

— Этот Гу непрост. Какую же магию он применил, чтобы заставить всех поверить в эту сказку? И подвеску свою подсунул, чтобы князь её вернул...

— Да князь, небось, и не понял ничего. Просто вернул вещь, и всё. А мы тут напридумывали: «любовь», «страсть»... Кто из них хоть слово подтвердил? Никто.

— То ли дело госпожа Сюй. Она в резиденции своя, во всём помогает, о вдовствующей княгине

заботится. Её там любят. А этот Гу? Откуда он взялся? Выскочка. Если уж кто и дорог князю, так это госпожа Сюй.

Нашлись и те, кто осмелел настолько, что решался задирать Гу Тина на улице.

— О, господин Гу! Что же вы сегодня не подле князя? Неужто ночи стали слишком длинными и холодными? Если станет совсем невмоготу — не зарьтесь на недосягаемое. Обратитесь к нам, мы-то уж точно утешим...

Гу Тин лишь ледяно усмехнулся:

— Твои родные знают, что ты выходишь в свет с такой рожей?

Дун Чжунчэн, бывший рядом, шагнул вперед, закрывая друга:

— Снова ищешь неприятностей? Не боишься, что отец узнает о твоих похождениях? У него ко мне деловое предложение, но, глядя на тебя, я начинаю думать, что нам не по пути.

Наглец тут же сдулся:

— Ну что вы, господин Дун, я же просто пошутил! Мой отец очень рассчитывает на эту сделку, не принимайте мои слова всерьез!

Мэн Чжэнь, чей характер в последнее время стал на редкость колючим, не выдержал и пнул обидчика:

— У тебя есть отец, который о тебе заботится, а ты ведешь себя как скотина! Получай! Будешь знать, как распускать язык!

— Виноват, виноват! — запричитал тот. — Глаза мои ослепли, язык мой поганый! Простите!

Мэн Чжэнь погрозил ему кулаком и увел Гу Тина прочь. Когда они скрылись за углом, обидчик сплюнул на землю:

— Тьфу! Кого ты пугаешь? Был бы ты нужен князю — другое дело. А так — пустозвон!

И такие сцены повторялись всё чаще.

Слухи — страшная сила. Они могут раздавить человека, особенно если они пропитаны ядом и грязью.

Гу Тин внешне оставался спокоен. Ему было неприятно, но он чувствовал себя в безопасности. Дун Чжунчэн в Цзююане был величиной: среди купцов его поколения ему не было равных, а старшие искали его расположения. Он мог приструнить любого.

Мэн Чжэнь тоже изменился. Из ласкового «щенка» он превратился в яростного защитника. Он ни на шаг не отходил от Гу Тина, ловя каждый косой взгляд. Стоило кому-то проявить недружелюбие, как мальчик бросался в бой, требуя извинений. Если противник был слишком силен, он втягивал в дело У Фэна или даже умудрялся манипулировать отрядом слежки, заставляя их выходить из тени. Как говорилось в книгах: «переложить беду на другого». Раз уж есть бесплатная сила, почему бы её не использовать?

Благодаря друзьям жизнь Гу Тина не была такой уж невыносимой. Самая грязь до него просто не доходила.

Пока он сохранял невозмутимость, Вэй Ле рвал на себе волосы. Он ворвался к Хо Яню:

— Ваше Высочество, сделайте же что-нибудь! Если так пойдет и дальше, случится беда!

Хо Янь одарил его таким взглядом, что Вэй Ле тут же отпрянул. Князь хмыкнул и ушел, выглядя при этом крайне раздраженным.

Вэй Ле едва не взвыл.

— Да что с тобой не так?! Это же из-за тебя всё!

Он метался по двору, не зная, куда себя деть.

— Сестренка, — обратился он к Хо Юэ, — рассуди. Человек помог твоему брату, а тот вместо благодарности его обидел, да еще и позволяет всякому отребью его грязью поливать. Разве брат не кругом виноват?

Хо Юэ отложила кисть, её прелестное личико стало серьезным:

— Не просто виноват, а виноват безмерно. Как брат мог так поступить?

— Вот и я о том же! — воскликнул Вэй Ле.

В главном покое матушка Гуй тоже с тревогой спрашивала вдовствующую княгиню:

— Госпожа, как же так...

Госпожа Линь пригубила чай:

— У детей своя судьба. Посмотрим.

Она знала своего внука лучше всех. Если он так сжимает кулаки, значит, скоро сорвется. Неужели и впрямь...

Слухи разлетались быстрее снежной бури. Гу Тин держался, но кое-кто другой терял терпение.

Ю Дачунь. Он не мог игнорировать происходящее. Весь его план в Цзююане строился на словах Гу Тина. Он оставил в покое семью Лю и переключился на Павильон Алой Ткани, поверив, что это логово Северных Ди. Гу Тин уверял, что это секретные сведения от самого князя. И что в итоге? Гань Сынян сбежала, павильон оказался пустышкой, никаких важных данных!

А что, если Гу Тин вовсе не фаворит? Что, если он намеренно скормил ему ложь, чтобы выслужиться перед Хо Янем? Или, что еще хуже, он — человек Хо Яня, и всё это было ловушкой, чтобы подставить Ю Дачуня?

Этого он стерпеть не мог. Ю Дачунь приказал «пригласить» Гу Тина к себе.

Когда с головы сняли мешок, а изо рта вынули кляп, Гу Тин прищурился от яркого света. Ю Дачунь бесцеремонно схватил его за подбородок:

— А ты мастер петь, господин Гу. Кожа нежная, а язык — как бритва. Складно врешь.

Гу Тин молчал. Он понимал: Ю Дачунь сам виноват в своей глупости, раз не смог добыть информацию, но сейчас спорить было бесполезно.

— О чем вы, господин Ю? Я никогда бы не посмел вас обманывать. Произошло какое-то недоразумение?

— Павильон Алой Ткани, — прошипел Ю Дачунь. — Твоя наводка.

— Верно, — Гу Тин заставил себя улыбнуться. — Я с таким трудом выведал это у князя...

— И ничего не нашел! — Ю Дачунь сжал пальцы сильнее. — Гань Сынян исчезла, зацепок нет.

— Так чего же вы ждете? — искренне удивился Гу Тин. — Нужно ловить её! Ваши люди...

кажется, не слишком расторопны.

Ю Дачунь ослабился:

— Мои люди нерасторопны или твои сведения — туфта? А? Знаешь, где ты находишься? Отсюда живыми не выходят, если не говорят правду.

Резиденция Князя-защитника Севера

Вэй Ле влетел в дом, задыхаясь:

— Где князь?! Где он?! Случилось непоправимое!

Госпожа Линь, опираясь на руку матушки Гуй, вышла в галерею и поманила его:

— Иди сюда, А Ле, съешь кусочек пирога.

Вэй Ле замер, его улыбка была натянутой:

— Бабушка... я бы с радостью, но у меня дело жизни и смерти! Честное слово, я позже зайду!

Он не смел кричать о беде при ней.

Госпожа Линь ласково улыбнулась:

— Пирог делу не помеха. Попробуй, матушка Гуй сама готовила.

Вэй Ле был готов разрыдаться:

— Бабушка, правда, я спешу...

Она вздохнула:

— Дети выросли, всё им некогда. Хо Янь вот тоже сорвался, даже переодеться не успел. Что-то там про Ю Дачуня услышал...

Вэй Ле замер.

— Что вы сказали? Князь ушел к Ю Дачуню?

— Ушел, — подтвердила она. — Как услышал имя, так и след простыл.

Вэй Ле просиял. Значит, пошел сводить счета? Ха! Он же говорил, что князь не так бесчувственен, как хочет казаться! Просто притворялся!

— Бабушка, я передумал! Давайте ваш пирог!

Ю Дачунь больше не церемонился. Гу Тин пытался разрядить обстановку, но понимал: дело пахнет керосином. Он заигрался. Но умирать не хотелось.

— Вы мне не верите, — с сожалением произнес он.

— А с чего бы мне верить? — Ю Дачунь подал знак, и в комнату вошел человек.

Это был настоящий монстр: сутулый, с бугристыми мышцами и лицом, изуродованным страшным ожогом. Его взгляд был полон ледяной злобы, а завидев Гу Тина, он плотоядно облизнулся.

Гу Тин похолодел.

— Я не мараю руки о такое, — Ю Дачунь взглянул на водяные часы. — Но есть те, кто не так безрелигиозен. У тебя есть полчаса. Надеюсь, после этого ты станешь сговорчивее.

— Господин Ю... это уже слишком, — прошептал Гу Тин.

Ю Дачунь не ответил, лишь кивнул уроду:

— Он твой. Действуй.

Тот поклонился и направился к Гу Тину, на ходу расстегивая пояс. Его взгляд был мерзким, безумным.

Гу Тин свистнул, стараясь сохранить лицо:

— Ну, если ты хорош в деле, считай, я тебя просто снял!

В душе он проклинал Ю Дачуня всеми известными словами. Если он выберется, он сотрет этого гада в порошок!

Тень накрыла его. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком сердца. Кровь пульсировала в висках — горячая, живая. Скоро она может остыть. Стать грязной.

Неужели это конец? Неужели всё, ради чего он вернулся, закончится так?

Внезапно ворвался ветер.

Ледяной, яростный северный ветер. Вместе с ним в комнату влетела тень — стремительная, как лезвие меча.

Гу Тин никогда не думал, что холодный ветер может быть таким родным. Никогда не видел человека более величественного и надежного. Хо Янь стоял перед ним, как незыблемая скала.

Князь двигался молниеносно. Один удар — и урод, стоявший перед Гу Тином, рухнул замертво. Он даже не успел вскрикнуть. Кровь медленно потекла по полу.

— Ты тронул моего человека, не спросив моего дозволения?

Хо Янь стоял у края кровавой лужи, холодный и отстраненный, как ледник. Даже то, как он неспешно поправлял рукава, было исполнено благородства и скрытой угрозы.

Ю Дачунь застыл, не смея пошевелиться. Запах крови и аура смерти парализовали его.

Хо Янь повернулся к Гу Тину и начал развязывать веревки. Его ресницы были густыми, на них еще не растаяли снежинки — видимо, он действительно очень спешил.

Гу Тин отвел взгляд и наткнулся на труп. Урод лежал в непотребном виде...

— Не смотри, — Хо Янь заслонил его собой. — Грязно.

Ю Дачунь, глядя на тело своего подручного, словно увидел собственное будущее. Если он не одолеет Хо Яня, его ждет то же самое.

— Ты убил моего человека! — выкрикнул он, дрожа от ярости и страха.

Хо Янь прищурился:

— Я и не знал, господин Ю, что вы так близки с моим... сокровищем.

Ю Дачунь опешил и посмотрел на Гу Тина. Тот демонстративно отвернулся, всем видом показывая: «Ну, вы же сами видите».

Ю Дачунь похолодел. Значит, всё правда! Гу Тин не лгал, Павильон Алой Ткани — ключ к успеху! Если он продолжит копать, он получит награду. Но сейчас... сейчас нельзя признаваться! Иначе Хо Янь заберет всю славу себе.

— Нет! Мы не близки! — выпалил он.

— Тогда что он делает здесь?

— Я... я хотел его похитить, чтобы...

— Чтобы угрожать мне? — голос Хо Яня стал еще холоднее.

Ю Дачунь вытер пот:

— Нет! Мы просто обсуждали дела! Скоро Новый год, мы с вами коллеги, но не так уж близки. Я хотел посоветоваться с господином Гу, как лучше нанести вам визит, что подарить...

Хо Янь пнул труп:

— Дела обсуждают со связанным человеком? И в присутствии этого отребья? Может, и вам нанести визит в мою резиденцию?

Ю Дачунь заискивающе улыбнулся:

— Нет-нет, что вы! Это недоразумение. Я просто хотел его немного припугнуть, ничего серьезного. Видите, он цел и невредим, ни волоска не упало!

— Тебе повезло, что это так. Иначе... — взгляд Хо Яня впился в горло Ю Дачуня.

Тот сглотнул.

— Характер моего сокровища — не твоя забота, — отрезал князь. — Лучше подумай о себе. Ты еще ничего не добился. Как будешь отчитываться перед Императором?

— Об этом я позабочусь сам, не утруждайте себя, — огрызнулся Ю Дачунь.

Он проводил их ненавидящим взглядом. «Погоди у меня, — думал он. — Скоро ты допрыгаешься. Каким бы великим воином ты ни был, воля государя превыше всего. Твой конец близок!»

Они вышли на улицу. Шел снег. Белые хлопья укрывали землю, дома и деревья, словно стараясь спрятать всё дурное под чистым покровом.

— Всё еще злишься?

Голос Хо Яня звучал непривычно неуверенно.

Гу Тин улыбнулся, пряча руки в рукава:

— Вы — великий князь. С чего бы мне злиться? И по какому праву?

Хо Янь промолчал. На перекрестке Гу Тин остановился:

— Спасибо, что спасли меня. Я был неправ, распуская те слухи, и прошу прощения. Больше этого не повторится. Я всё разьясню людям, чтобы не бросать тень на вашу репутацию. Вы — золотой феникс в небесах, а я — лишь малая птаха. Не стоит держать на меня зла, хорошо?

Хо Янь нахмурился:

— Не говори так.

Гу Тин отвесил вежливый поклон:

— Вы великодушны. Что ж, у каждого своя дорога. Вам — сиять на солнце, мне — идти своим путем. Нам не стоит больше пересекаться. Прощайте.

Он не ждал прощения или оправданий. Князю это было не нужно. Да и будущего у них, скорее всего, не было.

Хо Янь смотрел ему вслед. Он видел снег в Цзююане больше двадцати лет, но сегодня ему казалось, что холод пробирает до самого сердца.

Вэй Ле, объевшись пирогов, дождался князя в резиденции и тут же бросился к нему:

— Ну как?! Вы извинились? Он вас простил? Можно мне уже пойти к нему поиграть?

Хо Янь не ответил. Он пытался пройти мимо, но Вэй Ле метался перед ним, преграждая путь. Наконец князь остановился, его взгляд был тяжелым:

— Иди на плац. Дополнительная тренировка на четыре часа.

Вэй Ле застыл, как громом пораженный:

— За что?! Что я сделал не так?!

Хо Янь лишь указал подбородком в сторону плаца. Вэй Ле, понутив голову, поплелся выполнять приказ. Устав армии суров: приказ князя не обсуждается.

Хо Янь проводил его взглядом. «Слишком много болтает, — подумал он. — Нужно больше тренироваться».

Шестилетний Хо Цзе, наблюдавший за этой сценой из-за двери, задрожал от страха. Хо Янь мельком взглянул на него, и ребенок с ревом бросился к бабушке:

— Я ничего не видел! Ничего не скажу! Только не заставляйте меня тренироваться!!!

Хо Янь хмыкнул. Плакса. Впрочем, бабушка стара, не стоит её расстраивать, так что брата он трогать не стал.

Снег всё падал, укрывая мир серебром. Он был таким же чистым, как глаза того человека...

Хо Янь чувствовал, как внутри закипает раздражение. Он не мог работать, не мог тренироваться — любое движение или звук выводили его из себя. Вэй Ле уже едва держался на ногах, а младший брат прятался при его появлении.

Так продолжаться не могло. Хо Янь мерил комнату шагами, пока не остановился, прищурившись.

Этой ночью по городу пронесся слух: Гань Сынян объявилась. Ю Дачунь, воодушевленный, бросился в погоню, но попал в засаду. Он потерял своих лучших людей и сам был ранен. Гань Сынян снова исчезла в ночи.

Гу Тин, узнав об этом, задумался. Всё это было слишком похоже на ловушку. Гань Сынян была наживкой, а Ю Дачунь — рыбой. Кто-то планомерно уничтожал его силы, лишая защиты.

«Хо Янь?» — мелькнула мысль. Если так, то князь куда коварнее, чем кажется.

На следующее утро Гу Тин отправился в лавку. По пути ему нужно было зайти в чайную, и там он — какая ирония — встретил Гу Цинчана.

Его старший брат был соткан из противоречий. Он любил Цзян Муюня и во всём ему помогал, но не желал признавать своих чувств, надеясь сохранить статус благородного наследника. Он не хотел терять богатство и имя ради любви.

Недавно он получил письмо от отца: тот нашел ему невесту в столице. И Гу Цинчан согласился.

Гу Тин не удивился — в прошлой жизни было так же. Но в этот раз вмешался случай: письмо увидел Цзян Муюнь. Он тоже оказался в этой чайной.

— Значит, ты женишься. Поздравляю.

Голос Цзян Муюня был ровным, но в глазах читалась печаль и разочарование. Он выглядел как человек, чье сердце только что разбили.

Гу Цинчан растерялся. Одно дело — принимать решения самому, и совсем другое — столкнуться с реакцией любимого человека. Видя страдание Цзян Муюня, он вдруг осознал: неужели его чувства наконец-то нашли отклик? Неужели Цзян Муюнь полюбил его, сам того не замечая?

— Прости, мне пора, — Цзян Муюнь развернулся, чтобы уйти.

— Цзян-сюн! — Гу Цинчан преградил ему путь. — Ты же знаешь мои чувства... Я не хочу этой женитьбы!

Цзян Муюнь лишь грустно улыбнулся:

— Тебе нужно создать семью. Мы останемся друзьями. Навсегда.

Это был конец. Шанс на счастье ускользнул из-за этого проклятого письма. Гу Цинчан был в отчаянии. А потом его захлестнула ярость.

Кто?! Кто бросил тот камень?! Если бы не он, письмо бы не выпало из рук, и Цзян Муюнь

ничего бы не увидел!

Оглядевшись, он увидел Гу Тина.

— Это ты! Ты сделал это специально!

Гу Тин изобразил крайнее удивление.

— Ты — ничтожество! — кричал Гу Цинчан. — Сам ничего не стоишь и другим жизнь портишь! Вешаешься на мужчин, позорище...

Договорить он не успел. Еще один камень, пущенный с огромной силой, угодил ему прямо в рот. Раздался хруст, брызнула кровь. Гу Цинчан выплюнул выбитый зуб.

— Ты... ты... — он не мог больше говорить от боли. Бросив на Гу Тина полный ненависти взгляд, он бросился вон — искать лекаря.

Воцарилась тишина. Гу Тин посмотрел в окно, в сторону крыш соседних домов.

Выйдя из чайной, он снова — вот ведь совпадение — наткнулся на Цзян Муюня. Тот стоял в переулке и с кем-то говорил. Его обычное высокомерие и изящество исчезли. Его отчитывали, как нашкодившего мальчишку, а он лишь виновато кивал.

Цзян Муюнь, привыкший к лесте и восхищению, никогда не знал такого унижения. Он был раздавлен.

Гу Тин смотрел на это и чувствовал... радость. Он едва сдерживал смех.

Рядом возникла тень.

— Теперь видишь?

Низкий, властный голос. Хо Янь.

Гу Тин посмотрел на него. В его взгляде смешались разные чувства, но в итоге он медленно кивнул.

Он понял, что хотел сказать Хо Янь. «Вот как я поступаю с теми, кого действительно ненавижу. Вот как я уничтожаю врагов. Понимаешь теперь разницу?»

Вчерашний Ю Дачунь, сегодняшний Гу Цинчан и Цзян Муюнь — всё это была его работа. Он бил по самому больному, забирая то, что им дороже всего.

По сравнению с ними Хо Янь был с ним невероятно нежен. Он не презирал его и не использовал. Гу Тин ошибся в своих выводах.

— Ты веришь мне, — прошептал Гу Тин.

— Тебе можно верить, — подтвердил Хо Янь.

— Но ты и сомневаешься во мне.

Хо Янь чуть склонил голову:

— Ты умен. Неужели не понимаешь, в чем мои сомнения?

— Не в том, что я сделал шесть лет назад...

Гу Тин замер, встретившись с его ироничным взглядом. Озарение вспыхнуло в его мозгу:

— Ты сомневаешься не во мне! Ты ищешь тех, кто хотел использовать меня тогда... и хочет сейчас!

Хо Янь положил руку ему на голову и слегка взъерошил волосы:

— Дети чисты. Если и была ошибка, то не твоя. А если её не было... что ж, я рад, что узнал тебя заново.

«Заново?»

Гу Тин замер, даже не заметив, что его гладят по голове. Он смотрел на Хо Яня снизу вверх:

— Так я действительно что-то сделал шесть лет назад?

Он выглядел таким растерянным и милым, что Хо Янь невольно вздохнул. Он наклонился к самому его уху и прошептал:

— Неужели ты и вправду ничего не помнишь? Совсем забыл, что ты со мной сотворил шесть лет назад? А?

<http://bllate.org/book/15878/1586850>